

В траурном зале царила суровая, чинная тишина. На высоком поминальном столе у стены стоял черно-белый снимок в рамке. С фотографии смотрел молодой человек — черты его лица были тонкими и благородными, а на губах застыла едва заметная, почти призрачная улыбка.

Гости в строгих черно-белых костюмах вереницей тянулись к алтарю, чтобы почтить память усопшего и поставить палочку благовоний. Почти каждый из них ненадолго задерживал взгляд на портрете.

"А я и впрямь был недурен собой"

Дуань Цунчжи, паривший бесплотным духом перед собственным поминальным портретом, принялся с любопытством разглядывать снимок. Снимался он нечасто, разве что раз в год, в день рождения. В этом году ему исполнилось двадцать два, однако для траурной церемонии почему-то выбрали кадр двухлетней давности.

Наверное, организаторы просто не знали, какая из фотографий самая свежая. А вот Цинь Кэ наверняка знал. Ведь каждый новый снимок Цунчжи неизменно отправлялся прямиком к нему.

При мысли о Цинь Кэ на губах призрака проступила горькая усмешка. Цинь Кэ-то знал, но... Дуань Цунчжи ведь не принадлежал к их роду. То, что Третий господин вообще позволил устроить эти поминки в Поместье Цинь, уже было неслыханной щедростью. Требовать большего — глупо. Пожалуй, стоило проявить благодарность.

Сделав ленивый круг под потолком, Цунчжи так и не заметил хозяина дома. Впрочем, он тут же мысленно одёрнул себя: у Третьего господина каждая минута на счету, сделки на миллионы крутятся, с какой стати ему тратить драгоценное время на чьи-то похороны?

Гости тем временем повсю изображали скорбь. Лица их кривились в притворно-болезненных гримасах, плечи сокрушённо подрагивали. Цунчжи закатил глаза. Большую часть этих людей он видел впервые в жизни. Деньги — великая сила. Могущество Поместья Цинь заставляло всю эту толпу разыгрывать первоклассный спектакль.

Опустившись прямо на край поминального стола, прямо перед собственной фотографией, призрак устроился поудобнее и от скуки принялся болтать ногами в воздухе.

Бронзовая курильница ломилась от тлеющих палочек. Тонкие столбики пепла осыпались на лакированную столешницу, но слуги тут же смахивали их шелковыми салфетками. В Цунчжи вдруг проснулось мальчишеское озорство. Он наклонился и легонько дунул на чашу с пеплом — серые хлопья мгновенно разлетелись по только что прибранному столу.

Молодой слуга, протиравший стол, удивленно нахмурился, огляделся по сторонам, но промолчал и снова взялся за тряпку. Цунчжи сразу узнал его — это был Ин Сяочжун, сын старого дворецкого Ина. Именно он присматривал за Таньюанем, пушистым любимцем Цунчжи, когда самого хозяина подолгу не бывало дома.

Дуань Цунчжи вздохнул и оставил парня в покое. Он снова заболтал ногами, уставившись в пустоту. Интересно, чем сейчас занят Цинь Кэ?

Время потекло незаметно. Гости постепенно разошлись, и когда Цунчжи очнулся от задумчивости, перед алтарем уже стоял Цинь Кэ. Сразу за его спиной толпились члены семьи Дуань: притихшие родители, младший шишу Дуань Юнь и наставники из школы боевых искусств Тунъюань.

У каждого из них глаза опухли от слез. Мать, судорожно сжимая в кулаке мокрый платок, плакала навзрыд, бессильно прижавшись к плечу отца. Невероятное зрелище: ведь матушка Дуань сама возглавляла школу Тунъюань и славилась крутым, негибаемым нравом. Цунчжи сколько себя помнил — ни разу не видел её плачущей.

Только в это мгновение его пронзило леденящее осознание: всё кончено. Он действительно мертв. Родители, близкие — они больше никогда не смогут его обнять. Взгляд призрака упал на поседевшие виски матери, и его сердце сжалось от острой, невыносимой боли. Пускай смерть и не была его выбором, Цунчжи захлестнуло волной глухого, удушающего раскаяния. Если бы он тогда проявил хоть немного осторожности... если бы не полез на рожон...

Он беззвучно шевельнул губами, пытаясь позвать:

"Мама..."

Но крик растворился в пустоте. Она продолжала безутешно рыдать. Страшная участь — хоронить собственного ребенка.

Цунчжи скользнул вниз со стола. Ему отчаянно хотелось подойти к матери, прижаться к ней, успокоить, но он побоялся вредоносного холода, который несет в себе посмертное присутствие. Пришлось замереть в паре шагов, безмолвным и беспомощным наблюдателем.

Отец, бережно поддерживая мать под локоть, помог ей зажечь благовония. Следом за ними к алтарю шагнул младший шишу.

Дуань Юнь разменял пятый десяток, но так и не обзавелся семьей. Цунчжи когда-то шутливо обещал, что сам позаботится о его старости. Теперь не позаботится. Лицо шишу казалось суровым и спокойным — во всяком случае, он держался куда тверже родителей. Цунчжи даже мысленно вздохнул с облегчением.

Но, как выяснилось, слишком рано.

Едва палочка благовоний заняла свое место в песке, Дуань Юнь резко развернулся и наотмашь влепил Цинь Кэ звонкую пощечину.

Хлесткий удар разорвал тишину зала подобно выстрелу. У Дуань Цунчжи — точнее, у того, что от него осталось, — прямо челюсть отвалилась от изумления.

Младший шишу был выдающимся мастером, лучшим бойцом во всей школе Тунъюань; именно он с малых лет натаскивал Цунчжи. И он всегда повторял: в драке никогда не бей ладонью по лицу — пощечина лишь злит врага, но не выводит его из строя. И если сейчас он нанес именно этот удар, то лишь с одной целью — нанести максимальное оскорбление.

"М-да, спокойствие было напускным"

— с трепетом подумал призрак.

Опустив руку, Дуань Юнь презрительно прищурился и процедил:

— Мальчика больше нет, — его голос дрожал от сдерживаемой ярости. — Перед кем вы разыгрываете эту скорбную комедию, Третий господин Цинь?

Цунчжи перевел взгляд на Цинь Кэ. Тот выглядел... как обычно. Разве что лицо его казалось еще более суровым и бесстрастным, словно высеченным из камня.

Если судить непредвзято, вины Цинь Кэ в гибели Цунчжи не было. И тем не менее влиятельный, грозный глава клана безропотно снес и пощечину, и язвительную насмешку. Он даже не шелохнулся.

Призрак ошарашенно переводил взгляд с одного мужчины на другого. Кто бы мог подумать, что шишу способен на такую дерзость, а ледяной Цинь Кэ проявит подобное ангельское терпение? К счастью, слуги и телохранители Цинь вовремя покинули зал, иначе скандала было бы не избежать — даже при всем великодушии Третьего господина его люди не спустили бы оскорбления хозяина.

Цинь Кэ бросил последний взгляд на траурный портрет, развернулся и молча вышел, уступая место семье усопшего. Провожая его взглядом, Цунчжи понимал: в глубине души этот человек тоже кипит от ярости, просто умеет держать себя в руках как никто другой.

Стоило Цинь Кэ переступить порог, как зрение Цунчжи подернулось дымкой. Знакомое, пугающее ощущение — точно так же он угасал на грязном асфальте. Как бы он ни пытался зацепиться за реальность, сознание неумолимо ускользало, растворяясь во тьме.

Когда мир снова обрел очертания, Цунчжи обнаружил себя на кладбище. Средства Поместья Цинь позволяли выбрать лучшее место: элитный погост располагался на живописном горном склоне, откуда открывался величественный вид на окрестности. Покойник остался вполне доволен своей новой обителью.

Дорога у ворот была забита роскошными автомобилями. Из них один за другим выходили хмурые мужчины в строгих черных костюмах. Обычно личная охрана Цинь Кэ предпочитала неприметную гражданскую одежду, а парадный вид означал лишь одно — намечается какое-то официальное, возможно, карательное мероприятие. Цунчжи предвкушающе затаил дыхание.

Вскоре под конвоем привели троих человек и заставили их встать на колени прямо перед свежей могилой. Все трое выглядели жалко: грязные, взъерошенные, в изорванной одежде. Присмотревшись, Цунчжи узнал в одном из них отпрыска семьи Линь. Клан Линь тоже входил в четверку великих семей Лунчэна, хоть и плелся в самом хвосте.

Нынешний глава клана, Линь Хун, в молодости слыл редкой красоты ничтожеством — смазливая пустышка, не способная ни на что путное. Пользуясь положением и смазливим лицом, он вел разгульный образ жизни, оставив после себя целый выводок внебрачных детей.

Годы шли, а ума у старика не прибавлялось. Пока в приличных семьях изо всех сил старались не допускать междоусобиц, Линь Хун поступил с точностью до наоборот — устроил среди наследников настоящий гладиаторский бой. Он загнал всех своих бастардов в семейную компанию, объявив, что кресло преемника получит сильнейший. И те не подвели: вцепились друг другу в глотки со звериной яростью. Вот только талантами никто из них не блестал, так что грызня тянулась годами без какого-либо результата, превращая дела компании в сущий балаган, над которым потешался весь высший свет.

Само собой, Цунчжи не знал по именам всю эту прорву внебрачных сыновей. Он с детства рос под крылом Цинь Кэ, фактически являясь его доверенным лицом, так что мелкие сошки из клана Линь просто не заслуживали его внимания. Но этого конкретного парня он признал. Тот умудрился заделаться киноактером, и Цунчжи даже как-то посмотрел фильм с его участием. Боевые сцены у парня выходили на диво изящными. Как же его звали? Линь... Линь Хань, кажется?

Красивый малый, тут ничего не скажешь — порода чувствуется. Цунчжи отдал должное его внешности: гены старого ловеласа Линь Хуна не пропали даром.

Охранники грубо пихнули пленников вперед, заставляя биться лбами о холодную землю перед могилой плитой. На бледном лбу юного актера быстро налился багровый кровоподтек. Он попытался вскинуть голову, бросив полный отчаяния и мольбы взгляд на Цинь Кэ, но тяжелая рука телохранителя тут же вдавила его лицом в грязь.

"Какое варварство, такую красоту портить"

— мысленно поцокал языком Дуань Цунчжи.

Впрочем, сам Цинь Кэ даже бровью не повел. Его лицо по-прежнему оставалось бесстрастной маской. Пытаться разжалобить этого человека — все равно что метать бисер перед свиньями.

Раз уж Цинь Кэ притащил этих троих на кладбище, значит, они имели самое прямое

отношение к его гибели. Сам Цунчжи, по правде говоря, до сих пор смутно понимал, за что именно схлопотал пулю.

Цинь Кэ часто мотался по заграничным командировкам и иногда брал воспитанника с собой. В тот злополучный день они оказались на улице, где внезапно вспыхнула уличная потасовка. Для тех мест дело вполне обыденное, обычные бандитские разборки, но всё произошло слишком вовремя. Ни Цинь Кэ, ни сам Цунчжи не верили в подобные совпадения.

Охрана мгновенно взяла хозяина в кольцо. И когда из толпы выскочил какой-то безумец с занесенным ножом, Цунчжи лишь презрительно усмехнулся.

"И ради этого стоило огород городить?"

Он легко перехватил запястье нападавшего, уклонился от прямого выпада и, ловко используя инерцию чужого тела, швырнул мерзавца на асфальт. Короткий захват, болевой прием — и холодное оружие уже переключалось в руки юноши. Цунчжи победно улыбнулся, собираясь похвастаться трофеем перед Третьим господином, как вдруг его грудь прошила резкая, разрывающая боль.

Всё, что произошло дальше, слилось в сплошной кошмар. Он помнил лишь хлынувшую горлом кровь и собственное бессилие. Зрелище, должно быть, было жалкое — шутка ли, получить пулю из снайперской винтовки прямо в сердце.

Цинь Кэ подхватил его, не позволяя рухнуть на землю. В глупых сериалах умирающие герои обычно успевают толкнуть прочувствованную речь или признаться в любви, но на деле Цунчжи не смог выдать из себя ни звука. Жизнь уходила стремительно вместе с толчками горячей крови, оставляя лишь окоченение.

"Холодно... Боже, как холодно"

— это было последнее, о чем он успел подумать.

Сил не осталось даже на вдох. Всё, на что его хватило — это задержать взгляд на лице Цинь Кэ лишние пару секунд перед тем, как окончательно погас свет.

"Знал бы, что буду таскаться за ним бесплотной тенью, не напрягался бы так перед смертью"

— теперь уже с иронией думал Дуань Цунчжи.

Нападавших увели под руки и запихнули в патрульные машины. Вскоре вся свита послушно отступила к автомобилям, оставив Цинь Кэ наедине с могилой. Цунчжи устроился прямо на верхушке собственного надгробия и принялся бесцеремонно разглядывать покровителя. При жизни он никогда не позволял себе такой дерзости, а теперь с удивлением отметил одну странную деталь.

На лацкане строгого пиджака Цинь Кэ красовался цветок. Черный, траурный, из искусственного шелка, но все же цветок. Цунчжи грустно усмехнулся: этот суровый господин терпеть не мог подобные нелепые условности, но сегодня сделал исключение. Ради него.

Мужчина застыл перед серым камнем изваянием. Время шло, а он всё не уходил. Цунчжи затаил дыхание, глупо надеясь, что молчаливый Цинь Кэ наконец заговорит и произнесет те слова, которые не решался сказать при жизни. Сердце покойника, давно переставшее биться, испуганно затрепетало от сладкого предвкушения.

Но чуда не произошло. Цинь Кэ просто постоял, развернулся и размеренным шагом направился к выходу. Цунчжи возмущенно увязался за ним, но стоило ему отдалиться от могилы на пару десятков метров, как сознание его снова померкло.

Очнулся он в странном, лишенном красок пространстве, перед парящим в воздухе томиком в яркой обложке. Это был роман с дико пошлым названием: «Маленькая избалованная жена богатого старика». Дуань Цунчжи передернуло от такого дешевого бульварного чтива, но поскольку заняться было абсолютно нечем, он неохотно потянулся к страницам.

Каково же было его изумление, когда на первой же странице он наткнулся на имя главного героя. Им оказался... Цинь Кэ. Это заинтриговало. Его покровителю сейчас едва исполнилось двадцать восемь — молодой, подтянутый, холеный мужчина в самом расцвете сил. Клеймо «старика» никак к нему не вязалось, несмотря на всю его суровость и тяжелый характер.

Озадаченный призрак углубился в чтение. Спустя пару глав все сомнения отпали: книжный персонаж был точной копией реального Цинь Кэ, властного Третьего господина. Вот только события на страницах разворачивались спустя целое десятилетие.

На банкете в честь своего тридцать восьмого дня рождения Цинь Кэ знакомился с юным очаровательным девятнадцатилетним юношей по имени Вэй Чжичжи, только-только прославившимся благодаря популярному музыкальному шоу. Тот самый «главный герой-омега». Разница в двадцать лет... Да они же в отцы и дети друг другугодились! Что ж, в таком контексте определение «старик» звучало вполне справедливо.

Цунчжи лихорадочно листал книгу, пытаясь отыскать хоть какое-то упоминание о себе. Надежда угасала с каждой главой, пока роман не перевалил за экватор. И вдруг... Он наткнулся на сцену, где упоминался его собственный портрет!

"Вэй Чжичжи впервые переступил порог личного кабинета Цинь Кэ. Он робел, но в то же время сердце его пело от восторга. Очаровательная улыбка озаряла его миловидное округлое лицо, однако стоило ему заметить на полке старую рамку, как радость его мгновенно улетучилась. С фотографии смотрел удивительно красивый молодой человек. Снимок словно вносил капли жизни в этот строгий, холодный интерьер.

Тяжелая деревянная рамка приятно холодила пальцы. Наверное, этот человек значил для Цинь Кэ очень много? Дрожащими руками Вэй Чжичжи вернул вещь на место.

Дяде Цинь уже тридцать восемь, глупо полагать, будто в его жизни никого не было до этого момента. Вэй Чжичжи изо всех сил старался казаться благоразумным, но на душе у него сделалось скверно.

Вдруг этот незнакомец — его вечный соперник? Тот самый недостижимый белый лунный свет?"

"Надо же, белый лунный свет"

— растерянно хмыкнул Цунчжи.

Оказывается, он идеально подходил на роль идеализированной первой любви. Призрак покачал головой, не удержавшись от злорадной улыбки: зная скрытный характер Цинь Кэ, из которого слова лишнего не вытянешь, тот едва ли снизойдет до каких-то объяснений.

Честно говоря, при жизни Дуань Цунчжи был абсолютно уверен, что Цинь Кэ в принципе не способен на нежные чувства. Максимум, на что тот мог пойти ради долга перед кланом — заключить выгодный династический брак с подходящей партией ради продолжения рода. Но любовь? Это казалось фантастикой.

Дуань Цунчжи перевернул страницу. Предчувствие его не обмануло: Цинь Кэ действительно ничего не стал объяснять. Вместо этого он просто сгреб своего юного капризника в охапку.

"... Вэй Чжичжи весь вечер дулся и бросал на мужчину полные безмолвного упрека влажные взгляды. В конце концов Цинь Кэ властно прижал его к себе и хрипло спросил:

— Ну и к чему эти сцены?"

Цунчжи почувствовал, как к лицу приливает жар. Он с раздражением дочитал сцену до конца. Специфическое зрелище — суровый сухарь Цинь Кэ превратился в пылкого влюбленного. Ох уж эта страсть на склоне лет.

Глубоко вздохнув, призрак заставил себя прочесть еще один отрывок.

"... Набравшись смелости, Вэй Чжичжи робко спросил:

— А кто этот юноша на портрете в твоём кабинете?

Взгляд Цинь Кэ на секунду заledenел. Спустя мгновение он сухо ответил:

— Просто старый знакомый."

Цунчжи с хлопком закрыл книгу. Читать дальше не хотелось. В груди разлилась удушающая горечь пополам с обидой.

"Просто старый знакомый... Какая прелесть. Значит, любить ты всё-таки умеешь, Цинь Кэ. Просто не меня"

Десять лет преданности, верная служба, собственная жизнь, отданная за него без остатка — и всё это ради двух пренебрежительных слов.

Действительно, глупо. Стоило ли оно того?

<http://bllate.org/book/18330/1765560>